

DOI: [10.14515/monitoring.2026.2.3366](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3366)

Д. Гэллп

**НАСКОЛЬКО ВАЖНО ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ?
/ ВСТУП. СЛОВО В. В. ФЕДОРОВА;
ВСТУП. СЛОВО И ПЕР. С АНГЛ. Е. А. ФОСТАЧУК**

Правильная ссылка на статью:

Гэллп Д. Насколько важно общественное мнение во время войны? / вступ. слово В. В. Федорова; вступ. слово и пер. с англ. Е. А. Фостачук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 2. С. 304—316. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3366>.

For citation:

Gallup G. (2026) How Important Is Public Opinion in Time of War?? / intro V. Fedorov; intro & transl. from English E. Fostachuk. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 304–316. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.2.3366>. (In Russ.)

Получено: 22.01.2026. Принято к публикации: 03.04.2026.

НАСКОЛЬКО ВАЖНО ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ? / ВСТУП. СЛОВО В. В. ФЕДОРОВА; ВСТУП. СЛОВО И ПЕР. С АНГЛ. Е. А. ФОСТАЧУК

ГЭЛЛАП Джордж — директор, Американский институт общественного мнения (Институт Гэллапа), США

HOW IMPORTANT IS PUBLIC OPINION IN TIME OF WAR? / INTRO V. FEDOROV; INTRO & transl. FROM ENGLISH E. FOSTACHUK

George GALLUP^{1,2} — Director

¹ American Institute of Public Opinion (Gallup, Inc.), USA

Аннотация. В материале представлен перевод доклада Джорджа Гэллапа, впервые зачитанного 25 апреля 1942 г. и опубликованного Американским философским обществом в сентябре того же года. В докладе показано, что общественное мнение может быть источником важных информационных сигналов не только в мирное, но и в военное время, а отказ от использования данных опросов общественного мнения в периоды военных конфликтов может ограничивать эффективность управленческих решений, приводить к временным и финансовым потерям государства. Перевод сопровождается вступительными словами главного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» В. В. Фёдорова и переводчицы Е. А. Фостачук.

Ключевые слова: общественное мнение, военная социология, опросы населения

Abstract. This article presents a translation of George Gallup's lecture, first read on April 25, 1942, and published by the American Philosophical Society in September of that year. The report demonstrates that public opinion can be a source of important information signals not only in peacetime but also in wartime, and that failure to use public opinion data during military conflicts can limit the effectiveness of management decisions and lead to time and financial losses for the state. The translation includes introductions by Valery Fedorov, Chief Editor of the «Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes» Journal, and translator Elena Fostachuk.

Keywords: public opinion, sociology of war, population surveys

Источник: Gallup G. (1942) How Important Is Public Opinion in Time of War? Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 85. No. 5. P. 440—444. Published by: © American Philosophical Society. URL: <https://www.jstor.org/stable/985063>. Перевод на русский язык и публикация осуществлены с разрешения правообладателя.

Война, мир и демократия: вступительное слово главного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» Валерия Федорова

Восемь десятилетий назад Джордж Гэллуп выступил с прекрасным докладом, посвященным общественному мнению в военные времена. Он утверждал: когда решаются важнейшие вопросы войны и мира, мнение людей не менее ценно, чем

в более спокойные моменты. А во многих случаях и более ценно, чем мнение экспертов или политиков.

Гэллуп приводил примеры, как общественное мнение опережало политические решения, то есть обычные люди — не эксперты и не политики — раньше, чем люди «необычные», то есть информированные и высокопоставленные, компетентные и полномочные, приходили к верным выводам. Государство в этих случаях скорее тормозило, чем вело народ за собой, скорее упиралось и суенилось, чем руководило событиями. Оно не видело возможностей, запаздывало с оценкой потребностей, не доверяло своим гражданам, не использовало в полную мощь их силы и решимость. И в результате — теряло время, несло потери, уступало врагу.

Гэллуп указал на два важнейших условия, позволяющих общественному мнению смотреть дальше и видеть яснее. Первое — это широкая информированность и возможность самостоятельно составлять свое мнение. Отсюда потребность в независимых средствах массовой информации, настоящей «третьей власти». Второе условие — эффективная демократия, то есть такая политическая система, которая не гасит и не искажает импульс, исходящий от народа к власти, а точно и своевременно передает его, заставляя политические институты действовать в соответствии с волей народа.

Дискуссия о ценности общественного мнения идет давно. Мощный импульс ей придала Первая мировая война, ставшая войной народов, а не правителей. Уже тогда стало понятно, что без искреннего желания людей воевать победы не добиться. Общественное мнение должно поддерживать правительство и армию, иначе страна обречена. Первый импульс патриотического энтузиазма прошел быстро, когда война оказалась не легкой прогулкой, а кровавым затяжным испытанием. Уже в 1915 г. стало понятно, что желание людей воевать сходит на нет. Выход элиты воюющих стран нашли... в пропаганде!

Военная цензура, ограничение свободы СМИ, дезинформационные и пропагандистские кампании, разнообразные информационные манипуляции в адрес противников, союзников и нейтральных стран — все было задействовано. Тот, кто оказался более успешен в искусстве пропаганды, продержался дольше и в конечном счете выиграл войну. Тот, кто оказался пропагандистски несостоятелен, — ее проиграл. Такая участь постигла Россию, Австро-Венгрию, Германию, Турцию.

Парадоксальный вывод из опыта 1914—1918 гг. состоял в том, что страны, именующие себя демократическими, организовали более изощренную и эффективную пропаганду, чем страны с авторитарными и полуавторитарными режимами. Выяснилось, что политики и пропагандисты в демократиях могут манипулировать народом лучше! После войны накопленный опыт был реализован в рекламе и социальных коммуникациях. Эдвард Бернейс и Айви Ли стали лидерами в деле использования пропагандистских умений ради максимизации прибыли капиталистов и поддержания социального мира в условиях экономических испытаний.

Гэллуп предложил совершенно иной путь. Вместо расширения арсенала политических и информационных манипуляций — тщательное и вдумчивое изучение общественного мнения. Он призывал политиков и предпринимателей слушать людей, пытаться понять их и сообразовываться с волей народа, а не игнорировать и не подменять ее.

В демократических системах такой подход оказался по-настоящему эффективным. Гэллуп пошел дальше Айви Ли и Бернейса, жестче требовал от политиков и бизнесменов избегать манипуляций и действовать в интересах и по воле народа. И поэтому сопротивление ему со стороны дельцов, привыкших решать все за спиной людей, было более долгим и упорным. Оно не изжито и сейчас, и самым распространенным аргументом против народного волеизъявления остаются упреки: «вы ничего не понимаете...», «у вас нет необходимой информации...», «вы некомпетентны...», «это не вашего ума дело...»

В войнах XXI века мы слышим такое сплошь и рядом. И слышим именно от тех, кто сам некомпетентен! Кто не умеет планировать и принимать решения в быстро меняющейся обстановке, кто прикрывает завесой секретности собственные провалы, кто подставляет солдат под удары дронов и бросает их в «мясные штурмы».

Возможно, самым показательным примером может служить конфликт на Ближнем Востоке, чья очередная фаза стартовала в октябре 2023 г. с террористической атаки ХАМАС на Израиль, продолжилась Двенадцатидневной войной США и Израиля против Ирана, а сегодня привела к многосторонней войне в зоне Персидского залива, блокаде Ормузского пролива и израильскому вторжению в Ливан. Все три главные страны-участницы — Израиль, США и Иран — оказались в драматической ситуации неготовности к конфликту, неудачного военно-стратегического планирования, больших и неожиданных жертв и потерь. Кто-то, как Израиль и Иран, уже заплатил за это многочисленными жизнями граждан. Кто-то, как Иран, расплатился жизнями высших руководителей. Кто-то, как США, заплатил миллиардами долларов, репутацией, испорченными отношениями с союзниками, — а скоро, похоже, заплатит должностями и положением...

Генералы и политики, оказавшиеся не на высоте своих обязанностей, — а таких мы видим кругом, — громче других требуют все засекретить, запретить штатским соваться не в свое дело, лишить их права голоса и возможности получать информацию. Именно те, кто виноват в народных жертвах и потерях, стремятся лишить общество независимой и объективной информации, манипулируют СМИ, напропалую врут и подличают.

Народ имеет право знать, что происходит, за что именно мы сражаемся, почему мы не достигаем победы, зачем нужны жертвы, которые мы приносим на алтарь победы, кто виноват и что делать. Только люди, понимающие, что к чему, убежденные, что им не врут собственные лидеры, мотивированы преодолеть все трудности, чтобы добиться победы.

Люди не должны платить за тех, кто предал их доверие, разворовал их деньги и обрек их на тяготы войны. Но также они не должны платить и за тех, кто врал им, что войны не будет, что страна находится в безопасности, что армия и военная индустрия готовы к обороне, что война, если все-таки случится, будет «маленькой и победоносной».

Мы видим, что политические системы, включая самые что ни на есть демократические, демонстрируют полную дисфункциональность. Они не выполняют волю народа и ограничивают его доступ к информации, они манипулируют его мнением (кто более, а кто и менее успешно). Но при этом они продолжают править! Владимир Зеленский, избранный в 2019 г. как мирная альтернатива агрессивно анти-

российскому Порошенко, развязал войну с Россией. Дональд Трамп, обещавший остановить все войны и не начинать новые, бомбит Иран.

Политические системы, которые искажают и гасят импульс народной воли — как в предвоенной Франции, обречены, как бы демократично они ни выглядели. Можно избирать президента всенародным голосованием, а можно — коллегией выборщиков, но если он врет стране и игнорирует явно выраженную волю граждан, ничего хорошего из этого не получится. Если граждане уполномочили его добиваться мира, а он разжигает войну, — значит, он обманул доверие народа и должен быть смещен. Но если народ требует от вождя готовиться к защите, а он этого не делает, он тоже должен быть смещен!

Режимы, которые цензурируют СМИ и манипулируют общественным мнением «в интересах безопасности», как в предвоенной Британии, — еще один пример от Гэллапа — дезинформируют не только население, но и себя. В результате они демонстрируют неготовность к настоящей войне и терпят в ней катастрофические поражения.

Доклад Гэллапа служит напоминанием: государство и его руководители не отец, народ же — не дети. Народ суверен, а политики — лишь его слуги. Слуги, возомнившие себя господами! Народ все понимает (если не зомбировать его, как в нацистской Германии, — еще один пример из доклада Гэллапа) и имеет собственное мнение. Не смейте ему мешать! Иначе история вас сметет. Главное — чтобы не вместе с самим народом, который вам ошибочно доверился.

В. В. Федоров,

к. полит. н., генеральный директор АЦ ВЦИОМ,

декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,

главный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения:

экономические и социальные перемены»

Вступительное слово переводчика Елены Фостачук

Представляем вашему вниманию перевод доклада Джорджа Гэллапа «How Important Is Public Opinion in Time of War?», прочитанного 25 апреля 1942 г. на заседании Американского философского общества (© American Philosophical Society) в рамках тематического симпозиума и опубликованного в журнале «Proceedings of the American Philosophical Society» (Vol. 85, No. 5).

Эпоха систематических опросов общественного мнения началась в 1930-е годы и сразу оказалась вписана в контекст большой политики и войны. В своем выступлении Джордж Гэллуп, апеллируя к работам Уолтера Липпмана (которого он называет политическим писателем) и опираясь на массивы данных общественного мнения в США и «сестринских демократиях», формулирует вопрос, который и сегодня остается центральным для политической социологии: следует ли в военное время прислушиваться к общественному мнению столь же внимательно, как и в мирное?

Доклад построен как публичное рассуждение исследователя-эмпирика, обращенное к политической философии демократии — именно такой, какой она пред-

ставлялась в то знаменательное время. Великий методолог приводит данные опросов, сопоставляет их с политическими решениями, обсуждает границы компетенции общественного мнения, а также подчеркивает фундаментальное условие существования «интеллигентного» (по его подлинному выражению, а в современном понимании — разумного и информированного) общественного мнения. Такое условие, по мнению Дж. Гэллапа, — наличие свободной прессы, которой он противопоставляет пропагандистскую машину нацизма.

В тексте соседствуют статистические аргументы, исторические примеры, риторические вопросы и хлесткая ирония. Перед нами проявляется редкий для социологической литературы дар образного слова, свойственный Джорджу Гэллапу, а также его прямота, ясность и интеллектуальная честность. Кроме того, в тексте можно живо ощутить культурный контекст Америки времен Второй мировой войны.

Мне представляется, что, когда этот доклад был закончен, аудитория сразу же откликнулась аплодисментами! И даже сегодня, более восьмидесяти лет спустя, дочитав оригинальный текст до конца, хочется мысленно почтить имя автора. Чтобы донести до читателя это впечатление, я стремилась как можно бережнее сохранить интонации оригинала, не стилизуя текст под более поздний или более академичный язык.

Поэтому в переводе сознательно сохранены некоторые характерные обороты речи, передающие риторическую энергетику оригинала. Например, автор не использует названий «СССР» или «Советский Союз», а говорит просто о «русских». Или рассказывает притчу об Аврааме Линкольне и общественном мнении.

Аналогичным образом сохранены и некоторые социально-политические характеристики, которые сегодня могли бы показаться не совсем политкорректными. Так, в рассуждении о фермерских интересах автор упоминает о «жадности» («прижимистости») фермеров. В переводе эта оценка передана максимально близко к оригиналу и помещена в контекст аргумента Гэллапа о готовности различных социальных групп принимать экономические ограничения ради военных усилий.

Отдельного пояснения требуют и некоторые исторические обозначения. Так, выражение «война Объединенных Наций» относится не к современной международной организации ООН, а к союзнической коалиции государств, подписавших Декларацию Объединенных Наций в январе 1942 г. Подобные случаи оговариваются в примечаниях.

Многие темы, затронутые в тексте, такие как роль общественного мнения, границы компетенции экспертов, влияние пропаганды и средств массовой информации, остаются крайне чувствительными и сегодня. О них, по-моему, следует говорить столь же прямо и открыто, как и тогда. Поэтому я ставила перед собой две простые и, как мне кажется, необходимые цели: во-первых, переводить именно то, что было написано, учитывая время создания текста — весну 1942 г.; во-вторых, не инструментализировать перевод в соответствии с современными политическими или иными конъюнктурными ожиданиями.

Читатель, разумеется, волен использовать аргументы автора в самых разных современных дискуссиях. Возможно, каждый найдет в этом тексте что-то свое —

мысль, образ или ответ на вопрос, которые запомнятся надолго. Редакторы Американского философского общества в своем письме ко мне также выразили надежду, что перевод позволит этой работе Джорджа Гэллапа обрести новую внимательную и образованную аудиторию.

Е. А. Фостачук,
к. соц. н., независимый исследователь

В какой мере демократии должны руководствоваться общественным мнением? (Прочитано 25 апреля 1942 г.)

Доводы против того, чтобы следовать общественному мнению в период войны, приводятся достаточно часто. Считается, что граждане мало знают о военной стратегии, поэтому их суждения о ведении войны малозначимы. Они далеки от понимания военных нужд, а значит, их оценки военного производства также малоценны. Граждане не понимают всей сложности управления человеческими и природными ресурсами. В таком случае — чего же мы достигнем, прислушиваясь к общественному мнению по этим вопросам? Люди не понимают проблем мировой политики. Эти, как и другие вопросы, следует оставить в руках экспертов и лидеров.

Приводят и другой довод: только единая нация может успешно вести войну. Постоянные внутренние раздоры вкупе с критикой власти имеют лишь один результат: подрывают общественную мораль, разделяют нацию и в конечном счете ведут к поражению. Поскольку всеобщее единство столь важно, звучат призывы к ограничению всяческих дискуссий и избеганию критики.

Подобные доводы — естественные и вполне искренние — лидеры нации приводят всякий раз во время войны.

Сейчас пришло время оспорить эти давние верования — время, когда мы можем доказать ценность свободной и открытой дискуссии о действиях правительства, как военного командования, так и гражданской администрации. И решить, стоит ли прислушиваться к общественному мнению во время войны так же внимательно, как и в мирное время.

Говоря об общественном мнении, я имею в виду мнение большинства. Не следует подменять его громкими возгласами со стороны меньшинств и отдельных индивидуумов, которым посвящены газетные заголовки, при том что они редко выражают коллективное мнение граждан страны.

К счастью, сегодня мы располагаем достаточно развитыми методами и инструментами, позволяющими услышать мнение всех — и тех, кто кричит, и тех, кто шепчет. В последние годы мы изучали общественное мнение практически по каждому аспекту военной политики — и не только в нашей стране, но и в сестринской демократии — Англии.

Опираясь на огромный массив материалов, собранных здесь и в Англии (а совсем недавно — также в Канаде и Австралии), мы можем достаточно уверенно

судить о качестве общественного мнения по военным вопросам. Эти данные позволяют понять, следует ли прислушиваться к общественному мнению во время войны так же внимательно, как и в мирное время.

Во-первых, позвольте привести данные о взглядах американцев на военные и некоторые другие вопросы, возникшие непосредственно перед нашим вступлением в войну. Думаю, вы согласитесь, что это свидетельства, которые еще раз подтверждают уровень здравого смысла и дальновидности обычных людей.

Эти самые люди значительно опередили своих политических лидеров в понимании большинства важнейших проблем. По сути, наши данные доказывают правомерность вопроса о том, действительно ли политические лидеры ведут народ — или, наоборот, народ ведет своих лидеров. Приведу несколько примеров, чтобы показать, что я имею в виду.

Более шести лет назад, в ноябре 1935 г., наши исследования общественно-го мнения выявили, что более 70 % населения высказались в пользу увеличения мощности армии и флота. Еще более высокий процент (80 %) граждан был за возрастание мощности военно-воздушных сил. Вы можете вспомнить, что публичная сфера в то время была озабочена экономикой; но когда речь заходила о финансировании армии и флота, люди высказывались за увеличение, а не за уменьшение расходов.

Также вспомните, что в том же самом 1935 г. прошло всего лишь два года с тех пор, как Гитлер пришел к власти. Каждый раз потом, когда Гитлер побеждал очередную страну, доля американских избирателей, выступавших за усиление армии, флота и авиации, резко возрастала. К 1939 г. и началу войны мы фиксировали сильнейший запрос на увеличение мощности армии и флота, и даже еще значительнее — на рост мощности авиации.

На протяжении 1930-х годов военные эксперты расходились во мнениях относительно важности превосходства в воздухе в современной войне. При этом граждане, не являвшиеся военными экспертами, с неким здравым, трезвым смыслом понимали великую роль, которую авиация сыграет в будущей войне. Трагическая история острова Уэйк (Wake Island), который защищали сначала четыре самолета, потом два, а в конце — один, могла бы сложиться совсем по-другому, если бы мнение простых людей было услышано за шесть лет до описанных событий.

Даже сейчас вера в превосходство в воздухе среди населения гораздо сильнее, чем среди экспертов. Сегодня подавляющее большинство граждан уверено, что военно-воздушные силы станут решающим фактором в войне Объединенных Наций¹.

Сразу после начала войны в Европе конгресс собрался по поводу изменений в Акте о нейтралитете (Neutrality Act). Президент предложил изменить Акт, чтобы начать поставки самолетов и военного оборудования союзникам. А за несколько месяцев до этого наш Институт провел серию исследований, показавших, что публика выступает за отмену всех эмбарго, предусматриваемых Актом о нейтралитете. Уже в марте 1939 г. общественность выступала за отмену эмбарго. Сам конгресс пересмотрел Акт о нейтралитете в октябре.

¹ Так в 1942 г. называли союз США, Великобритании и стран Содружества.— *Примеч. пер.*

Общественное мнение опередило конгресс — как минимум на четыре месяца — и по поводу Закона о выборочной военной подготовке и службе (Selective Service Draft). Фактически уже в июне 1940 г. подавляющее большинство опрошенных (примерно две трети) выступало за массовую мобилизацию. В то же время ни один политический лидер и ни одна партия публично еще не высказались по этому поводу. Насколько я знаю, только один политический писатель — Уолтер Липпман — предполагал возможность призыва в мирное время.

Много лет военные лидеры страны обсуждали идею массовой мобилизации и даже разрабатывали планы мобилизационных кампаний в случае войны. В Канаде вот уже два года идут дебаты о призыве для отправки на службу за пределы страны.

В следующий понедельник Канада будет голосовать по этому вопросу на втором общенациональном плебисците за всю историю Доминиона. При этом даже теперь вопрос об отправке солдат за пределы страны не будет задан гражданам прямо, на понятном им языке. Вот, посмотрите, как сформулирован вопрос для голосования: «Поддерживаете ли вы освобождение Правительства от всех обязательств, связанных с введенными ранее мерами, ограничивающими методы призыва мужчин на военную службу?»

Если прогноз результатов плебисцита, который дает недавно созданный Канадский институт общественного мнения, настолько точен, насколько мы думаем, Канада ответит «да» на этот вопрос подавляющим большинством голосов².

Я хотел бы обратить внимание всех, кто занимается изучением общественного мнения, на один интересный момент: референдум или массовый опрос с применением выборочных технологий мог бы показать Канаде, как настроены ее граждане, в любой момент в течение последних двух лет. Многих месяцев бесполезных дебатов, равно как и расходов — около двух миллионов долларов — можно было бы избежать.

Сейчас можно с большой точностью предсказать не только, как Канада проголосует в понедельник на плебисците, но и — что еще важнее — как проголосовали бы канадцы, если бы власти удосужились поставить очень простой вопрос: «Должно ли правительство иметь право призывать людей для службы за океаном?» И на этот вопрос люди также со значительным перевесом ответили бы «да».

Следует отметить, что помимо проблемы призыва американцы сильно опережают своих лидеров в понимании практически всех насущных проблем военного времени.

Например, публика высказывалась за военные конвои судов, направлявшихся в Англию, за несколько месяцев до того, как Акт о нейтралитете был пересмотрен и это стало законным.

Военные комментаторы особо подчеркивают роль ленд-лиза в спасении союзников от надвигавшейся смертельной угрозы. Некоторые даже считают, что без ленд-лиза Гитлер мог бы победить еще в прошлом году.

Интересно, что общество не было удовлетворено объемом помощи, предоставляемой Великобритании, вплоть до принятия Билля о ленд-лизе. За несколько

² Канадский институт предсказал, что 68 % избирателей дадут ответ «да», 32 % — «нет». Результаты плебисцита показали, что прогноз ошибался на 3,5 %. Результаты голосования по каждой провинции были также предсказаны верно.

недель до того, как этот Билль был внесен в конгресс, результаты опросов показали, что за увеличение помощи Великобритании выступает подавляющее большинство — девять десятых опрошенных. Иначе говоря, избиратели хотели увеличения нашей помощи Великобритании задолго до того, как эта идея приобрела форму законодательной инициативы.

Политика «умиротворения» Японии, кстати, никогда не соответствовала общественному мнению. Японо-китайская война продолжалась только два года, когда подавляющее большинство избирателей — 82 % — высказалось за введение строгого эмбарго на военные поставки в Японию. К октябрю 1940 г. эта доля выросла до 90 %. И только через десять месяцев после этого правительство США заморозило японские кредиты и ввело строгое эмбарго.

Таковы настроения общественного мнения по вопросам, непосредственно связанным с нашим участием в войне против стран Оси. А что показывают данные исследований по внутренним проблемам страны, которые также влияют на наши военные усилия?

И здесь обычные граждане снова и снова занимают позицию, которая отражает здравое коллективное суждение общества. Например, конгресс затягивал с повышением ставки подоходного налога. Если бы простые люди сами составляли налоговое законодательство, они много месяцев назад потребовали бы, чтобы все семьи, за исключением полностью освобожденных от налогов, платили хотя бы небольшие отчисления с дохода. Публика никогда не принимала идею так называемого налога на роскошь³, и хотя люди считают, что для граждан с высокими доходами должен устанавливаться пропорционально более высокий налог, им хватает ясности ума, чтобы понять: каждая семья должна внести хотя бы несколько долларов, чтобы помочь правительству справиться с военными расходами.

Около года назад общество одобрило политику жесткого контроля над заработными платами и ценами. В связи с этим особенно неожиданным оказалось согласие людей на установление «потолка» не только для потребительских цен, но и для уровня заработной платы. Американские фермеры, которых руководители фермерских хозяйств, сами постоянно требующие особых привилегий, обычно выставляли наиболее «прижимистыми», сами выступили за фиксирование закупочных цен на свою продукцию — вопреки тому, в чем лидеры пытались убедить страну.

Публика даже высказывалась за увеличение продолжительности рабочего дня ради «военного усилия» и не поддерживала позиции профсоюзных лидеров, для которых завоеванные права и привилегии казались важнее победы в войне.

Публика также требовала, с одной стороны, запрета стачек на предприятиях военной промышленности, а с другой — регулирования прибыли этих предприятий. Люди были готовы работать 48 часов в неделю вместо 40 без повышения заработной платы.

Как я уже говорил, люди не только ожидали посильной жертвы от каждого ради «военного усилия», но и сами были готовы вкладываться, что бы это ни значило: работу в гражданской обороне, переезд в другую часть страны ради труда на поль-

³ Автор использует выражение «soak the rich» — букв. «размачивание богачей». Выражение берет начало в XIX веке, когда одним из значений глагола soak было завышать цены, облагать высокими налогами или вымогать средства. — Примеч. пер.

зу военной промышленности или отчисления 10 % заработной платы на покупку оборонных облигаций.

Столь велико было желание сделать хоть что-нибудь ля победы, что мы в Американском институте общественного мнения подсчитали: при правильной организации правительство могло бы использовать миллионы человеко-часов безвозмездно. Фактически это равнялось бы работе двенадцати миллионов человек ежедневно. Это мощь Ниагары, которую еще предстоит использовать в полной мере.

В начале февраля Институт интересовался тем, когда население страны будет готово признать необходимость всеобщей мобилизации, то есть когда люди придут к осознанному решению о том, что каждый гражданин в возрасте от 18 лет должен зарегистрироваться для участия в «военном усилии».

Начиная это первое исследование, мы рассчитывали лишь установить исходную точку для наблюдения за дальнейшими тенденциями. Можете представить наше удивление, когда мы обнаружили, что уже тогда люди готовы были принять всеобщую мобилизацию. Люди высказывались за отказ от принципа добровольности в пользу того, что они считали более справедливым и более эффективным. Сейчас уже существует множество планов развертывания всеобщей мобилизации. В этом отношении наше правительство продвинулось гораздо быстрее Англии, где всего несколько дней назад газета London Evening Standard в передовой статье жаловалась: «Мы уже достаточно призывали к самопожертвованию. Стране нужны приказы, а не призывы».

Однако было бы глупо утверждать, что люди всегда и во всем правы. Так же неверно было бы считать, что не существует сугубо технических проблем, решение которых должно оставаться за специалистами. Тем не менее есть много предметных областей, в которых общественное мнение имеет право быть услышанным как в военное, так и в мирное время. Прежде всего это касается постановки широких политических вопросов. Но то, как эти вопросы следует решать и каким образом проводить конкретную политику, должны определять эксперты.

Следует учитывать и другой важнейший фактор. Чтобы общественное мнение было по-настоящему интеллигентным (разумным), оно должно опираться на факты — факты, которые людям может дать только свободная пресса.

Даже если бы сегодня была возможность опросить население Германии, едва ли мы могли бы ожидать увидеть интеллигентные суждения. Почему? Просто потому, что большинству людей известны лишь те факты, которые министерство пропаганды считает «нужными для знания». Конечно, до прихода Гитлера к власти все было иначе. Возможно, одна из причин того, что фюрер считает все демократические народы чем-то вроде «скота с бюллетенями», кроется в результатах последних свободных выборов в Германии, когда сам Гитлер пришел к власти: ведь тогда он получил всего 36 % голосов избирателей!

А вот народ Англии, несомненно, «проспал» весь период с 1933 по 1939 г. Так случилось потому, что британское правительство скрывало от населения всю полноту фактов о германской военной программе. Только Черчилль имел достаточно мужества, чтобы говорить людям горькую правду. Власти же делали все возможное, чтобы дискредитировать его выступления — утверждая, что они исходят от слегка неуравновешенного человека. Я убежден, что, если бы все факты о германских во-

енных приготовлениях были известны британскому народу с самого начала, люди оказали бы достаточное давление на правительство во время Мюнхенского кризиса и тем самым могли бы охладить пылкие намерения нацистов развязать новую войну.

Прошлой осенью Британский институт общественного мнения провел опрос среди рабочих оборонных предприятий и выяснилось, что они работают не на полную мощность. Эти результаты вызвали серьезную критику, и правительству даже пришлось отвечать на вопросы парламента. Во время дебатов г-н Черчилль сказал: «Страной не управляют с помощью опросов Гэллапа!» — заявление, с которым я полностью согласен. Однако важно другое: критика все же повлекла за собой действия, и военная промышленность сейчас показывает рост — именно потому, что народ высказался.

Когда в самом начале войны русские подписали пакт с Германией, лидеры во Франции и Англии — и в Соединенных Штатах тоже — были склонны воспринимать Россию как врага не меньшего, чем Германия. Но простые британцы никогда не теряли веры в русских и не прекращали попыток установить более тесные отношения. Их вера в то, что Россия скорее друг, чем враг, получила подтверждение в ночь на 22 июня 1941 г., когда гитлеровские орды перешли русскую границу.

Сегодня британцы понимают свой долг перед русскими; сегодня именно британцы требуют открытия второго фронта, чтобы помочь русским и способствовать поражению Германии. Я не знаю, возможно ли вторжение на континент с военной точки зрения, но мне хотелось бы позволить истории оценить правоту мнения простых людей Англии.

Вы можете спросить: если общественное мнение так важно для демократий, почему же тогда Франция так плохо управляется? Почему она так плохо подготовилась к немецкому вторжению?

Ответ прост. Во Франции общественное мнение никогда не имело возможности быть услышанным — или почувствованным. Партийная система страны накануне ее крушения была столь сложной, государственное управление — столь неповоротливым, а руководство во многих отношениях — столь коррумпированным, что общественное мнение оказалось почти неслышимым.

Общественное мнение не следует делать виновным, когда у него нет возможности помочь в определении судьбы нации.

И как бы странно это ни звучало, из всего сказанного вовсе не следует делать вывод, что опросы Гэллапа должны «говорить» за людей во всех демократиях.

Любые систематические попытки узнать мнение обычных людей, которые вы можете предпринять, скорее всего, поведают вам ту же историю. Дело простое — для него не нужны большие статистические компании или выдающиеся специалисты. Все, что необходимо, — это изрядное терпение и искреннее желание узнать, что думают простые люди.

78 лет назад человек, который имел такое желание, решил эту задачу по-своему. Это был Авраам Линкольн. Дважды в неделю, даже в сумасшедшее время Гражданской войны, Линкольн откладывал свои дела для того, чтобы выслушать в своем кабинете любого, кто желал его видеть. Это была длинная процессия, бесконечная толпа обычных людей, некоторые из них были воинственны, неопрятны и озлоблены. По воспоминаниям Карла Сандберга, Линкольн выслушивал каждо-

го. А когда майор из военного департамента протестовал, что это, дескать, бесполезно, что президент тратит свое драгоценное время, Линкольн отвечал:

«Никакие из моих рабочих часов не заняты лучше, чем те, которые дают мне прямой контакт с людьми и саму атмосферу нашего народа. Люди, которые движутся внутри официального круга, сами становятся официальными — если не предвзятыми в своих соображениях. <...>. Говорю Вам, майор, говорю Вам, я называю эти приемы моими купаниями в общественном мнении <...> и эффект у них — обновляющий и укрепляющий».

Леди и джентльмены, говорю вам со всей искренностью, что множеству наших людей в официальных кругах сегодня стоит искупаться в общественном мнении!